

БРЯНСКАЯ «КОСТРОМА»

Лев Владимирович Кулаковский — один из старейших советских музыковедов-фольклористов, автор более тридцати широко известных книг по музыкальной эстетике, народному фольклору, учебников теории музыки. Он член Союза композиторов СССР, первый, кто попытался реконструировать напевы и речитативы древней русской поэмы «Слово о полку Игореве», примерно так, как они могли звучать в XII веке в период создания.

Немало лет посвятил Л. В. Кулаковский и удивительно народному фольклору Брянской области. И хоть сам он говорит, что здесь ему в открытках просто повезло, это не совсем так. В труде, поиске, в энергии исследователя — вот в чем заключается его везение.

По просьбе редакции «Брянский комсомолец» я попросил Льва Владимировича рассказать о своих исследованиях на Брянщине, о древней обрядной игре «Кострому», открытой им в брянских селах Дорожево и Домашово.

Предлагаемая статья посвящена очень редкому «заповеднику» русского фольклора, расположенному неподалеку от Брянска и представляющему уникальный интерес для современных исследователей народного фольклора, для любителей древностей, старинных песен и напевов.

Г. МОРОХОВСКИЙ,
сотрудник АН СССР.

г. Москва.

ЕЩЕ совсем недавно, лет сорок назад, почти вся Брянщина была «белым пятном» на карте музыкально-фольклорных исследований. Ни один музыкант-фольклорист не бывал там, да и из литературоведов - фольклористов тоже почти никто не изучал Брянщины. Была только изданная еще до революции небольшая брошюра П. Тиханова «Брянский говор», где образцов музыкального фольклора не было вовсе.

Брянщина — это стык расселения русских, украинцев, белорусов, а каждому фольклористу, этнографу известно, что на местах таких «стыков» фольклор бывает особенно интересен по своим формам. Здесь же знаменитые Брянские леса, ряд столетий служившие прибежищем для беглых холопов, всякого рода опальных изгнанников из Московщины. Все это тоже должно было обогащать местный фольклор.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы такое положение, если бы брянцы сами не проявили инициативы — не заявили о себе. Мне повсчастливилось первым среди музыкантов-фольклористов узнать об этой инициативе, первым съездить на Брянщину и обследовать там несколько сел, обнаружив в них поразительные фольклорные богатства.

Это было еще до войны, в конце 1939 года. Встретился я тогда с молодым режиссером Ф. Марцинковским, только что приехавшим из Брянска, незадолго до отъезда привелось ему быть членом жюри олимпиады, проходившей в БРЭС, под Брянском. Зная мои фольклорные интересы, режиссер рассказал о странных «номерах», показанных на олимпиаде одним из сельских коллективов.

Помимо песен и хороводных игр, группа женщин из села Дорожево исполнила — по его описанию — какую-то странную игру, в которой многократно повторялось слово «Кострома». А потом те же женщины показали танец под акомпанемент своих товаров, странно подсывавших им, жужжавших на каких-то «свистелках».

Сведения эти чрезвычайно заинтересовали меня и других московских фолькло-

ристов; в Брянский райком партии полетел запрос из Москвы о «странных» номерах, показанных на олимпиаде. Райком направил в село, из которого был этот коллектив, инспектора, допросившего Е. Орлову, добросовестно записавшую весь текст игры в «Кострому». Текст этот еще более заинтересовал всех, и в результате в самом начале весны 1940 года я выехал в Брянск, нагруженный звукозаписывающей аппаратурой тех лет — эдисоновским фонографом и записовальными валиками к нему.

В первый же вечер, послушав удивительные песни дорожевцев и совсем уж редкостную игру их на «кувикалах», я понял, что попал в подлинный заповедник древнерусского искусства. Самым древним остатком его уже не многовековой, но многотысячелетней давности была игра женщин на кувикалах-дудочках из стволов купыря или веток бузины. Только в нескольких селах Курской области еще сохранилась точно такая игра, да и то в несколько более усложненном виде: на трех и пяти дудочках (в Дорожеве — на двух). Научное название этого инструмента — «Флейта Пана», потому что на древнегреческих статуях (трехтысячелетней почти давности!) бог полей и стад козлоногий Пан всегда изображался с такой же флейтой у рта. Но и у него она была уже более сложной — из 7 или 8 дудок, так что дорожевские кувиклы оказались самыми примитивными, они были изобретены, надо думать, много тысячелетий тому назад, были вообще одним из первых человеческих инструментов, созданных еще в каменном веке!

Древними были и некоторые песни дорожевцев — явно дохристианского происхождения. Напев одной из них, «русальской» — «Завью венки», ныне приводится в истории русской музыки (Ю. Келдыша), как образец древнейшей русской мелодии.

Самым важным, однако, сокровищем, которое удалось найти в Дорожеве (и соседнем с ним селе Домашово) была, несомненно, их игра в «Кострому». Когда я записал и сравнил два разных варианта этой игры (дорожевский и домашовский), когда дорожевцы показали

свою «Кострому» в Москве, всем стало ясно, что произошло открытие самого начального этапа развития русского народного театра. Зародыши театральной игры существовали, конечно, во многих древних обрядах, в хороводных играх, святочном ряжении, но здесь уже перед нашими глазами развернулось целое театральное действо. А заодно стало ясным, откуда оно произошло: из древнего «языческого», драматизированного по форме обряда.

Уже тогда, впервые увидев в Домашове, в полуметровой избе игру в тамошнюю «Кострому», я невольно стал вспоминать описания древнейшей стадии греческого хороводного театра, такого, каким он был, по преданиям, еще до появления первых трагедий великого Эсхила — три тысячи лет тому назад.

На тряпичной подстилке посреди хоровода девушек и молодых женщин лежала «тяжелобольная» Кострома — роль ее здесь исполняла девушка-подросток. Рядом с нею сидела ее Мать — единственное «действующее лицо» в этой «пьесе». Быстрыми движениями рук Мать имитировала этап за этапом все работы по изготовлению из «прядева» готового холста, ткани. И на каждом этапе работы одна из участниц хоровода спрашивала Мать о здоровье Костромы. А Кострома — все хуже и хуже, и к тому времени, когда «холсты» уже готовы, Кострома умирает! Мать разбрасывает работу, начинает голосить, Кострому поднимают на руки и несут «хоронить».

Действо это было, таким образом, серьезным, даже мрачным по тону — ясно чувствовалось, что перед нами застывший древний театрализованный по форме обряд, первоначальный смысл которого давно уже позабыт; как и в древней Греции, здесь был хор (хоровод) и одно действующее лицо... Аналогия полная...

А в соседнем селе Дорожеве та же, по существу, игра превратилась в целую озорную хороводную комедию!

И здесь был хоровод, — огромный, сотня девушек и женщин составляла его — на площади, посреди села. На подстилке сидела Кострома. Здесь она была здоровой, взрослой. Она сама имитировала тут все этапы обработки прядева в холст и так же спрашивала ее одна из хоровода: сначала — что она сейчас делает, и здесь каждый «этап» начинался тягучим хоровым возгласом: «Кострома моя, Костромал!»

«Изготовив» холсты (также — условными движениями, «понарошку»), Кострома здесь садилась пировать — с мужем и невесткой. Наделала и обьевшил заболела. Приходил знахарь лечить ее — не помогло: призывали «попа» — на вопрос об имени Кострома неожиданно называла себя Хоботьей... «Во имя ова и сена и святого Хоботья», — возглашал поп — Кострома внезапно выздоравливала и под веселую «скакульную» песню начинала плясать со своими домочадцами...

Сравнивая мрачно-трагедийный вариант домашовской «Костромы» с комедийным дорожевским, я, естественно, задался вопросом, кто же и когда посмел «выворотить» наизнанку древний обряд? И тогда же

БРЯНСКАЯ «КОСТРОМА»

(Начало на 3-й стр.).

нашел, как мне кажется, ответ: скоморохи! Дело в том, что центральная часть Дорожева, именно та, где на площади «испокон веков» играли «Кострому», называется Сурнаевкой. Сурнаевка — это значит поселок сурначей, музыкантов. Откуда же здесь, в глубине Брянского леса, появился целый поселок музыкантов? Очевидно, по той же самой причине, по которой на дальнем глухом Севере возникло много поселков с названием «Скоморохово» (немало таких поселков я нашел и на карте Брянщины). Все это были поселения ссыльных или беглых скоморохов. Более трех веков тому назад, в середине XVII века, московскому патриарху удалось добиться полного разгрома скоморошья искусства. Скоморошки инструменты тогда (гудки, гусли, волынки, сурны) целыми возами свозили к берегу Москвы-реки и сжигали: жгли русскую народную музыку... А самих музыкантов — скоморохов, «биз и ограбив» (таков был письменный наказ), ссылали на окраины тогдашней московской Руси. Иные скоморохи, не дожидаясь ссылки, и сами бежали, куда глаза глядят...

Обосновавшись в глухом Брянском лесу, познакомившись с местной «Костромой», скоморохи — «веселые люди» — остались верны своим озорным навыкам и переделали мрачный обряд в веселое действо, вынеся его на площадь, заодно насмеявшись над своими вековыми врагами — духовенством, полами, явно иронично выведенными в «Костроме»...

Так оправдалось известное замечание Пушкина: «Драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения».

Не известная ранее такая красочная и самобытная страница русского народного театра, брянская «Кострома» таила в себе еще много загадок. Некоторые из них неожиданно разъяснились после археологических раскопок, произведенных в середине нашего века академиком Б. А. Рыбаковым; кое-что выяснилось тогда, когда с этой «Костромой» ознакомились эллинисты — знатоки культуры древней Греции... В 1953 году вышла из печати работа Б. Рыбакова, посвященная его новым раскопкам на правом берегу реки Десны, буквально рядом с левобережными селами Дорожево и Домашово, на окраине маленькой деревеньки со странным названием Вщиж.

Почти тысячу лет назад здесь стоял небольшой укрепленный «город» Вщиж — оборонительный пункт Руси. В XIII веке он был, по-видимому, захвачен, разрушен и сожжен татарскими ордами Батия; с тех пор городок этот уже не восстанавливался... Но археологов заинтересовали не столько развалины Вщижа, сколько остатки еще более древнего сооружения, которые они обнаружили на невысоком холме на северной окраине Вщижа,

На вершине этого холма археологи раскопали остатки ряда столбов, полукругом расположенных вокруг жертвенника — это были, оказывается, остатки дрезнеславянского языческого святилища, капища, уничтоженного, вероятно, христианами еще в конце прошлого тысячелетия. Капище это, согласно выводам экспедиции Рыбакова, существовало длинный ряд веков, было «всеплеменным» и — что самое интересное — было посвящено женским божествам славян, было женским святилищем.

Побывав на этом холме, побродив по еще не заросшим рвам, оставленным раскопками археологов, изучив карту близлежащих мест, я понял, наконец, почему именно в Дорожеве и Домашове сохранилась поныне в такой полноте обрядность, которая уже в прошлом столетии была известна только в жалких остатках.

Недаром ведь оба эти брянские села находятся буквально рядом с древним центром русской женской обрядности. «Кострома» — обряд, связанный с исконно женской работой, культурой льна; именно такая обрядность, естественно, всячески поддерживалась и развивалась в женском святилище. Постепенно мне раскрылся и уточнился и смысл этого древнего обряда. Еще ранее я понял, что слово «Кострома» — это, несомненно, олицетворение костры, кострики — «костей» льна, когда женщины вымачивали стебли льна, разделяя их на кудель (по месту — прядево) и на обломки костры. Похороны Костромы — это обрядовая испуخته льна я жертва, приносимая земледельцами за «убийство» ими льна. Имитация же работы, превращающей пук кудели в ткань, — это изготовление могущественного «оберега» (амулета); по древним поверьям, оберегами такими были и все железные предметы и «обыденные» ткани (однодневные, изготовленные «об один день»).

Именно тут, на берегу

полноводной Десны, с особой торжественностью совершался этот древнейший обряд, и торжественное шествие спускалось к берегу реки, в воды которой погружалась «кострома»...

Я стал перебирать имена дрезнеславянских женских божеств. Академик Рыбаков полагал, что каждый из столбов капища увенчивался когда-то резным изображением божества. Берегиня — хранительница, возможно, все обереги посвящались именно ей. Лада — богиня любви, брака... Наконец — древняя Рожаница, покровительница рода, семьи... Вспомнил и буквально вздрогнул от неожиданного воспоминания: я ведь пришел сюда со станции Ржаница, буквально напротив Вщижа, в левобережном лесу, еще ближе к Дорожеву и Домашову, всего в нескольких километрах от них.

Ржаница — это ведь то же слово — Рожаница! Оно тоже свидетельствует, что именно здесь, на речке Р-о-жанице (по имени которой названа станция), существовало древнее женское капище (после уничтожения его во Вщиже).

Позднее, спросив в местных жителей, внимательно изучив карту этого района, я нашел и другие предметы, свидетельствующие, что здесь где-то находились языческие капища. Вот, например, озеро с примечательным именем Святое, чуть севернее Ржаницы. А вот древнее урочище с еще более красноречивым названием — Бельнец! Бельны или Белун — это ведь имя верховного бога наших предков, иначе именовывшегося Белбогом...

Все говорит о том, что здесь находились когда-то святилища — капища дохристианской эры.

Прошло несколько лет, вышла из печати моя книжка, посвященная искусству обследованных брянских сел («Искусство села Дорожева», 1959 и 1965 гг.) и один из читателей ее, знаток древнегреческого языка и культуры, профессор А. А. Белецкий обратил мое внимание на то, что «корни» обряда «Кострома» тянутся еще глубже в даль веков, чем я полагал, смыкаясь с древнегреческой мифологией. Оказывается, древнегреческая богиня — воительница, дочь самого Зевса, Афина (по имени ее названа и столица Греции), согласно самым старинным мифам, не была еще богиней-воительницей, но богиней-покровительницей древней женской культуры — тканья (даже победила в соревновании лучшую жен-

щину — ткачиху Арахну). И изображение Афины — как Костромы — в урочный праздничный оборачивали холстом (в «пеплум») и с песнем торжественно относили к реке. Обряд этот, как две капли воды, похож на обряд «похорон Костромы». Древнегреческий миф не сохранил подробностей, которые раскрывали бы смысл этой обрядности, но теперь, после изучения брянской «игры» в «Кострому», мы сможем, по-видимому, понять его ритуальное значение.

Древние «сельскохозяйственные» поверья, обряды — в сходных условиях — возникали почти одинаковыми, близкими по своему ритуальному смыслу; можно предположить, что обрядность, существовавшая еще (пусть в окостеневших пережитках) в 1940 году на Брянщине, представляла собою последний отголосок обрядности, возникшей у европейских народов несколько тысячелетий тому назад, быть может, тогда, когда женщины впервые стали осваивать культуру льна, изготовления из него нитей, ткани...

* * *

Само собою разумеется, что находки мои в Дорожеве и Домашове — это итог почти случайной, первой разведки, счастливо приведшей к богатой фольклорной «жиле», к подлинному фольклорному заповеднику. Нет сомнений, что местные старожилы смогли бы сообщить исследователям еще много драгоценных отголосков древних преданий, обрядов, следов старинной игры на разных инструментах, множество еще не известных песен самых разных жанров. Призываем их проявить максимум активности, особо важно собрать остатки народных театральных зрелищ всех видов. Дело в том, что по недавнему постановлению Министерства культуры СССР в ближайшем году будет сниматься специальный учебный фильм «Русский народный театр». Туда войдут и начальные формы театральной игры — в ряжении, хороводных играх и остатки сохранившихся кое-где старинных театральных действ: «Лодки», «Царя Максимилиана» и, конечно, «Костромы». Киноэкспедиции будут снимать эти постановки там, где они сохранились; «Кострому», разумеется, — в брянских селах, на площади древней Сурнаевки...

И если вы, читатели, узнаете что-либо о таких театральных играх в других местах Брянщины, сообщите об этом. Каждый неизвестный вариант театральной игры имеет важное научное значение.

Л. КУЛАКОВСКИЙ,
музыкавед-фольклорист,
г. Москва.